

Н. Н. РОДИГИНА, Т. А. САБУРОВА¹

**«МЫ ВДОВОЛЬ НАГОВОРИЛИСЬ
О РАЗНЫХ СОВРЕМЕННОСТЯХ...»
дискурс о “современности” в русских эго-документах
второй половины XIX – начала XX века**

Статья посвящена представлениям о современности в эго-документах (дневниках, письмах, воспоминаниях) русской интеллигенции второй половины XIX – начала XX в. На основании дискурсного анализа выявлено содержание и смысловые значения понятия «современность», контексты его использования и распространения, характера отражения в нем сознания и поведения человека эпохи «модерна», взаимосвязи понятия и темпоральности.

Ключевые слова: дискурс, история понятий, современность, идентичность, эго-документы, темпоральные представления.

Один из участников известного проекта «Основные исторические понятия. Исторический словарь социально-политического языка в Германии (1972–1997)» Ханс Гумбрехт отмечал, что существует не так много понятий, история которых обсуждалась бы исследователями в последние десятилетия столь часто, как история того, что обозначается определениями «современный», «современность», «модернизм»². Однако, к нашему удивлению, мы не нашли работ, посвященных выяснению значения названных понятий в эго-документах русской интеллигенции второй половины XIX – начала XX в.

Мы разделяем мнение о том, что историк ищет в прошлом ответы на те вопросы, которые актуальны для него в настоящем. Наше обращение к теме современности / несовременности в русских эго-документах определяется стремлением 1) понять, как «герои» «нашего» (в смысле профессиональной специализации) времени реагировали на «слом эпох», к каким стратегиям понимания современности и выживания в ней они прибегали; 2) выяснить возможности эго-документов для изучения исторической семантики понятий. Очевидно, что названные причины связаны с собственной идентификационной рефлексией – и мировоззренческой в самом широком смысле, и профессиональной. Обаяние эго-документов в том, среди прочего, и состоит, что, пытаюсь понять «Другого» мы «собираем» самих себя, проясняем и иерархизируем свои жизненные цели и ценности, гармонизируем свой смысловой мир³.

---

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

² Гумбрехт 2014. С. 242.

³ Рейтблат 2014. С. 189.

Наши методологические предпочтения находятся на стыке истории понятий и истории дискурса. Вслед за Р. Козеллеком мы считаем понятиями слова, несущие в себе «смысловую полноту», и которые, в отличие от простых слов, всегда многозначны. Если значения слов могут быть точно определены, то понятия можно только интерпретировать⁴. Рассматривая историю понятий как историю взаимосвязей слов с исторической действительностью, Козеллек отмечал связь истории понятий с историей дискурсов. Он, в частности, констатировал: «Дискурсу необходимы основные понятия для того, чтобы выразить, о чем идет речь. А анализ понятий требует обладания как лингвистическим, так и нелингвистическим контекстом, включая тот, что поставляется дискурсом. Только при таком знании контекста можно установить, что в каждом конкретном случае стоит за многозначностью понятий, за их содержанием и значением, как перераспределяется пространство, которое они друг у друга отвоёвывают»⁵. Дискурсный анализ с его акцентом на выяснение позиции автора и адресата, их способов видения мира и коммуникативного поведения, поиском влияния идеологического, эстетического, повседневного и прочих контекстов эпохи, установления зависимости между спецификой эго-документа и содержанием текста, актуализирующее интересующее нас понятие, представляется нам наиболее оптимальным для реализации нашего замысла.

Мы разделяем понимание дискурса как «коммуникативного события», предложенное Т. ван Дейком, подразумевающего «единство языковой формы, значения и действия»⁶. Для нас также важно понять прагматические установки коммуникантов, их социальные роли, то, в рамках каких институтов, интеллектуальных сетей и сообществ производится, употребляется и распространяется дискурс. Наша задача – выяснить в каком семантическом поле употреблялись слова «современность», «современник», «современные» и их антонимы, каковы контексты их актуализации в эго-документах второй половины XIX – начала XX в.

К эго-документам мы относим такие типы текстов, в которых доминирует авторская (субъектная) позиция, а именно дневники, переписку и мемуары⁷. Мы привлекли тексты, различающиеся по типу объекта (о событии, о времени, о лице, о себе) или стратегии повествования (дескриптивная, нарративная), тексты с разной временной дистанцией между событием и временем его описания. Признаемся, что критерий выбора эго-документов был в достаточной степени случайным и обусловленным главным образом наличием в источниках рефлексии по поводу интересующего нас понятия. Обращаясь к работе с понятиями, представляется

---

⁴ Цит. по: Бёдекер 2010. С. 42.

⁵ Koselleck 1996. P. 62.

⁶ Цит по: Корчинский 2015.

⁷ Троицкий 2014. С. 14.

важным зафиксировать те варианты их употребления, которые существуют в современном для нас как исследователей семантическом поле.

1. Понятие «современность» можно рассматривать в контексте формирования общества и культуры модерна; выделяя определенные черты эпохи и «современного» человека. Не случайно, например, говорят о современном политическом человеке как типе или современных методах управления производством. Это понимание современности может быть описано при помощи бинарных оппозиций «новое» / «старое». Сошлемся на определение Х. Гумбрехта: «В этом значении данное определение описывает современность, переживаемую как эпоха, которая в силу определенных качеств, свойственных ей в целом как чему-то гомогенному, несмотря на всю ее сложную природу, отделяется... от эпох прошлого»⁸. В то же время, понятие современности связано с представлениями и способами самоидентификации, с тем, как человек воспринимает и осознает себя в меняющемся мире. В этом случае понятие современности приобретает ярко выраженные рефлексивные черты, позволяя выявить соотношение между «первой» и «второй» реальностью.

2. Понятие современности связано с темпоральными представлениями, ощущением времени. «Современность» как настоящее время, отделенное от прошлого, осознаваемое как особая эпоха, возникает как реакция на изменения в обществе, культуре, которые необходимо осмыслить и вписать в существующую систему координат. Современность, противопоставленная прошлому, может его отвергать или стремиться сохранить, но ее невозможно определить без границы с прошлым. Согласимся с К. Кобриним в том, что *современность* двойственна: она пытается возвести свою генеалогию к собственному прошлому и одновременно отрицает необходимость для себя генеалогии как таковой⁹.

Современность может вызывать чувство ностальгии по утраченному прошлому, соединяясь с меланхолией, так как прошлое оказывается потерянным безвозвратно и его невозможно вернуть, восстановить, а вместе с прошлым утрачено то, что еще недавно было главными ценностями, событиями, переместившимися в область воспоминания, ставшими частью индивидуальной или коллективной памяти.

Современность может вызывать чувство восхищения, связанное с новизной, «прогрессом», расширением «горизонтов» и осуществлением надежд, но и пугать своей непредсказуемостью, неуловимостью, неопределенностью, в отличие от прошлого, которое видится завершенным и относительно понятным. Современность открыта будущему, рождая ощущение незавершенности, она создает необходимость постоянного движения, необходимость успеть за временем, за изменениями, которые

---

⁸ Гумбрехт 2014. С. 246.

⁹ Кобрин 2014.

происходят, причем все быстрее и быстрее. Современность воспринимается как поток, и ход времени превращается в «бег», в отличие от прошлого, в котором время уже остановилось. Как заметил Ле Гофф, сознание современности рождается из ощущения разрыва с прошлым¹⁰.

В каком случае этот разрыв с прошлым становится предметом особой рефлексии, создавая ощущение дискомфорта, своей «несовременности» и, соответственно, меланхолической ностальгии по прошлому? Конечно, нельзя не учитывать индивидуальные особенности адаптации человека к меняющимся условиям жизни, но наша задача – определить социальные рамки чувства современности и ностальгии, выяснить, насколько представители русского образованного общества осознавали, ощущали себя современными эпохе, чувствовали себя живущими в одном пространстве с настоящим временем, то есть «со-временными».

Еще Шатобриан в своих «Замогильных записках» отмечал, что мир меняется так быстро, появляются другие принципы, распространяются новые идеи, что скоро не остается ничего знакомого. По мнению П. Фрицше именно в этом и заключается причина появления ностальгии как явления исключительно эпохи модерна, реакции на дискомфортное состояние, вызванное утратой знакомого культурного пространства, что приводит к невозможности почувствовать себя дома в постоянно меняющемся мире. Ностальгия – результат процессов индустриализации и урбанизации, симптом культурного стресса, вызванного не только быстротой перемен, но и социальным усложнением окружающего мира, в котором «личность» становится более индивидуальной, но и более одинокой¹¹. Как заметила С. Бойм, «ностальгия ищет в прошлом той стабильности, которой нет в настоящем, тоскует о потерянных наречиях и медленном течении времени»¹².

3. Нельзя не вспомнить и о таком значении понятия «современность» как «временный», «преходящий» (антоним – «вечный»). Это значение актуализируется, когда современники рассматривают свое настоящее и его идеи «как прошлое будущего настоящего». Оно употребляется для фиксации быстротечности, стремительности современности, настолько динамичной, что ей возможно противопоставить только вечность как некую неподвижную точку¹³.

В эго-документах второй половины XIX в. (и отчасти даже второй четверти названного столетия) встречаются все упомянутые смысловые значения «современности». Однако в большинстве проанализированных нами текстов слово «современность» употребляется как синоним «настоящего» времени, «текущего момента», причем чаще всего в кон-

¹⁰ Ле Гофф. 2013. С. 46.

¹¹ Fritzsche. P.1588–1591.

¹² Бойм. 2013.

¹³ Гумбрехт.. С. 246.

тексте характеристики представителей мира литературы, науки или политики. В воспоминаниях А. Панаевой, впервые опубликованных в 1889 г., нами выявлено 10 словосочетаний со словом «современность», причем большинство из них касается именно поля литературы¹⁴. Типичным для ее языковой личности можно назвать следующее выражение: «Тургенев более всех *современных* (здесь и далее курсив наш – *Н.Р., Т.С.*) ему литераторов был знаком с гениальными произведениями иностранной литературы, прочитав их все в подлиннике»¹⁵. У нее же читаем: «В характере Некрасова было много недостатков, но я не думаю, чтобы кто-нибудь из *современных* литераторов мог упрекнуть его в зависти к их успеху на литературном поприще или в том, что он занимался литературными сплетнями»¹⁶.

Чаще всего словосочетания со словом «современный» в эго-документах эмоционально нейтральны и несут констатирующий характер. И.И. Панаев в своих «Литературных воспоминаниях» упоминает производные от слова «современность» 9 раз, из них 6 как синоним «обыденного», «сиюминутного», «текущего». У него, к примеру, читаем о Т.Н. Грановском: «Беседа Грановского, всегда исполненная тонкого ума, внутренней теплоты, чувства гуманности, симпатии ко всем живым явлениям *современности*, не имевшая в себе ничего блестящего, но освещенная тихим, ровным поэтическим колоритом, производила всегда отрадное впечатление на его слушателей, возбуждала их привязанность и укрепляла в них сочувствие к нему...»¹⁷. А.Г. Достоевская в своем дневнике единожды упоминает слово «современный», описывая пребывание в Дрездене и посещение картинной галереи, где они с мужем осматривали картины «современных живописцев»¹⁸.

Однако в тех фрагментах дневников и воспоминаний, где речь идет об общественном движении и литературной борьбе 1850–1860-х гг. слово «современный» нередко употребляется как синоним слову «передовой», «прогрессивный». Показательны в этом смысле многочисленные фрагменты воспоминаний А. Панаевой, посвященные истории журнала «Современник». Сошлемся на один из них: «Если бы явился новый журнал с современным направлением, то читатели нашлись бы. С каждым днем заметно созревают все новые и новые общественные вопросы; надо заняться ими не со снотворным педантизмом, а с огнем, чтобы он наэлектризовал читателей, пробудил бы в них жажду к деятельности»¹⁹.

---

¹⁴ Здесь и далее в наших подсчетах мы не учитывали производные от слова «современность», встречавшиеся в названиях художественных произведений, публицистических статей, периодических изданий.

¹⁵ Панаева 1986. С. 210.

¹⁶ Там же. С. 324.

¹⁷ Панаев 1988. С. 208.

¹⁸ Достоевская 1993. С. 15.

¹⁹ Панаева. 1986. С. 159.

Обилие «современности» в названиях периодических изданий второй половины XIX – начала XX в. поражает: многочисленные «Современники», «Современная летопись», «Современное обозрение», «Современное слово», «Современный труд», «Современный театр», «Современный мир» (последний журнал был переименован из марксистского «Мира божьего») и др. Существование насыщенного информационного пространства создавало ярко выраженный эффект современности, погружая в настоящее время, соединяя в газетной и журнальной хронике события происходившие в разных городах и странах. Как заметил Т. Митчелл, «газеты фиксируют запись настоящего и делают это ускользящее настоящее доступным через форму воспроизведения»²⁰. Значение единого информационного пространства, формирующего чувство «одновременности» и сопричастности, отметил еще Б. Андерсон в книге «Воображаемые сообщества», посвященной конструированию наций. П.Д. Боборыкин описывал свое отрочество и юность в провинциальном Нижнем Новгороде как подготовку к яркой эпохе 1860-х гг., как предчувствие той «современности», с которой он себя отождествлял по поколенческому признаку (если соотносить с «современностью шестидесятых» время социализации): «Перед поступлением в студенты те из нас, кто был поразвитее и поспособнее, уже вобрали в себя много всяких поощрений к дальнейшему развитию. Это несомненно! Мы подросли в уважении к идее университетской науки, приобрели склонность к чтению, уходили внутренним чувством и воображением в разные сферы и чужой и своей жизни, исторической и *современной*»²¹.

Примечательно, но в многочисленных мемуарных описаниях конца 1850-х – начала 1860-х гг. как «эпохи величайшего пробуждения умов», «эпохи медового месяца великих реформ», «времени прекрасных надежд», «всестороннего возрождения России», «воскресения», «весны», «всеобщей радости», когда жилось «легко и отраднo»²², слово «современность» практически не встречается. Оно заменяется близкими по смыслу словосочетаниями: «новая эпоха»; «наступление *новых условий жизни и коренного переворота*»²³; «*новая жизнь* нашего отечества»²⁴, «наступление *новой эры*»²⁵. Ощущение значимости и масштаба происходящих перемен зафиксировал П.В. Засодимский, встретивший воцарение Александра II учеником Вологодской гимназии. Он, в частности, писал: «Годы 1858–1860 послужили для нашего пансиона переходом от *древней истории к новой*. Трудно указать год или какой-нибудь факт, которые можно было бы принять за грань между *старыми и новыми*

---

²⁰ Mitchell 2014.

²¹ Боборыкин 2003. С. 23–24.

²² Родигина, Худяков 2011. С. 9–25.

²³ Градовский 1908. С. 352.

²⁴ А.Н.Т. 1910. С. 411.

²⁵ Богучарский 1904. С. 228.

временами. Новые веяния проникали незаметно, мало-помалу в наш замкнутый мирок, они, казалось, пробирались в него вместе с воздухом и солнечным светом. Свежая струя не могла разом проветрить промозглую атмосферу. Но, хотя и медленно, нравы смягчались»²⁶. Выходец из купеческой среды, писатель и журналист Н.А. Лейкин писал, что в начале 1860-х гг. «все перерождалось, и явился у всех подъем духа»²⁷.

Чаще слово «современность» появляется в дневниках начала 1880-х и воспоминаниях об этом периоде как проявление ностальгии о «святых 1860-х гг.», ставших одним из ключевых мест памяти для русских интеллектуалов, или о начале *бурной, новой эпохи*, сменившейся *бесцветным безвременьем*. В этом случае *безотрадная современность* воспринималась как антитеза яркому прошлому. В качестве примера сошлемся на дневник А.Ф. Тютчевой, не идентифицировавшей себя с «шестидесятниками» XIX в. «В невероятно бесцветной среде нашего *современного* общества этот человек, действительно гениальный по природе, горячий и увлекающийся, исполненный честолюбия и ревности о славе родины, представлялся метеором, может быть, тревожащим, угрожающим, но сияющим в противоположность бледным созвездиям нашего туманного неба», – писала она о М.Д. Скобелеве 26 июня 1882 г.²⁸

Однако далеко не всегда современность и прогресс воспринимались авторами эго-текстов как положительные явления. И.И. Панаев в отдельных случаях упоминал о негативных характеристиках современности 1850-х гг. и ее порочном влиянии на современников. Так, рассказывая о смерти от злоупотребления алкоголем одного из своих знакомых, литератор восклицал: «Вот до каких губительных последствий доводит иногда сближение с так называемыми *современными* людьми!»²⁹ Чувством тревоги полна рефлексия Л.Ф. Пантелеева по поводу влияния интенсивного либерального реформирования страны на радикализацию общественного мнения: «"Молодая Россия" объявляла кровавую войну не только существующему строю, но и всем его основам; от *современного* общества не должно было остаться камня на камне. Понятно, что не только разрешались, но прямо рекомендовались все средства, и в числе их убийства, грабежи, пожары и т.п. Помнится, приблизительно триста тысяч жизней предлагалось принести в виде жертвы, чтобы расчистить поле для закладки нового общества»³⁰. Очевидно, что контекст актуализации образов современности детерминировал и ее оценочные коннотации. Социокультурная инверсия, вызванная разочарованием в первых результатах эмансипационных реформ, появлением

²⁶ Засодимский. 1908. С. 134–135.

²⁷ Лейкин. 1907. С. 135.

²⁸ Тютчева. С. 564.

²⁹ Панаев. 1988. С. 284.

³⁰ Пантелеев. 1958. С. 279.

терроризма и усугублением «расколов» русского общества (по идеологическому, поколенческому, сословному и другим основаниям), предопределила обилие критических рецепций «современности». Сошлемся как на распространенное суждение Б.Н. Чичерина о причинах убийства Александра II: «Он погиб жертвою стремлений, не им вызванных, не им разнузданных, а составляющих глубочайшую язву *современного* человечества и сталкивающихся в малообразованном обществе в особенно безобразных формах. Нет в мире ужаснее явления, как взбунтовавшиеся холопы, а таковы именно нигилисты»³¹.

Наибольшее количество репрезентаций слова «современность» встречаем в «Дневнике» А.В. Никитенко (1826–1877)³². В результате предпринятого нами контент-анализа было выявлено 85 случаев его употребления и свыше 20 вариантов словосочетаний со словом «современность». Нами не учитывались вариации данного слова в названиях упоминаемых Никитенко периодических изданий (к примеру «Современник»), статей, памфлетов.

**Частотность и контексты употребления
слова «современность»
в «Дневнике» А.В. Никитенко***

Словосочетание со словом «современность»	1826–57	1858–65	1866–77
Современные нравы (современная нравственность, современные гадости)	5	2	1
Современники (современник, современные знаменитости)	2	5	1
Современные писатели, современная литература	2	7	3
Все современное, (современность, современное положение)	3	1	1
Современная наука (современная русская образованность, современный век)	1	3	8
Современные события (современные дела, современные происшествия)	3	8	9
Современное общество (современные нигилисты, современные протестанты)	1	1	3
Современная мысль (современное направление)	-	2	1
Современная цивилизация	-	2	4
Современные вопросы (современные общественные вопросы)	-	5	
Современная политика	-	-	1
Итого:	17	36	32

* Подсчитано нами на основании контент-анализа: Никитенко 1955–1956. Т. 1–3.

³¹ Чичерин. 1995. С. 377–378.

³² Об истории дневника, его источниковом потенциале, истории его публикации см., напр.: Айзеншток И.Я. Дневник А.В. Никитенко // Никитенко 1955. Т. 1. С. V–XLIV.

Как свидетельствуют материалы табл. 1, в первой половине XIX в. современность в дневнике А.В. Никитенко упоминается, как и в ряде других уже процитированных текстах, главным образом при характеристике литераторов и нравов мира литературы и науки, с которым соотносил себя автор. Однако, даже будучи сравнительно молодым человеком, он активно рефлексировал по поводу социокультурных и социально-психологических аспектов современности. Так, 15 января 1841 г. он записывает: «Печальное зрелище представляет наше *современное общество*: в нем ни великодушных стремлений, ни правосудия, ни простоты, ни чести в нравах, словом – ничего свидетельствующего о здоровом, естественном и энергическом развитии нравственных сил. Мелкие души истощаются в мелких сплетнях общественного хаоса. Нет даже правильно понятого о выгодах и твердого к ним стремления. Все идет, говоря русским словом, "на шаромыжку". Ум и плутовство – синонимы. Слова "честный человек" означают у нас простака, близкого к глупцу, то же, что и добрый человек. Общественный разврат так велик, что понятия о чести, о справедливости считаются или слабодушием, или признаками романтической восторженности. И понятно, ведь с ними не соединяется ничего существенного, – это пустые, книжные слова»³³. Современность дает Никитенко основания для определения собственной идентичности, а ее оценки зависели от восприятия текущего политического курса, определялись профессиональной и личностной востребованностью, степенью эмоциональной вовлеченности в происходящее. «Да, тяжело положение, когда, не питая никаких преступных замыслов, неукоризненные в глубине вашей совести, потому только, что природа одарила вас некоторыми умственными силами и общество признало в вас их, вы чувствуете себя каждый день, каждый час в опасности погибнуть так, за ничто, от какого-нибудь тайного доноса, от клеветы, недоразумения и поспешности, от дурного расположения духа других, от ложного истолкования ваших поступков и слов. Какое начало призвать тут к себе на помощь? Где искать опоры? Одно остается – запереться в презрении к этой бестолковой дребедени, к *современной жизни*, утешаясь, кто может, верой в более светлое будущее, которое, увы! вряд ли достанется еще и нашим внукам. А сам, искалеченный, измученный, уж лучше сразу откажись от всяких прав на жизнь и деятельность – во имя... Да во имя чего же, господи?», – читаем запись от 22 марта 1852 г., в которой упоминается о возможных цензурных преследованиях И. С. Тургенева³⁴.

Возвращаясь к табл. 1, отметим, что в эпоху либеральных реформ, наряду с традиционным для литературоцентричного XIX столетия интересом к миру «современных» писателей и «современной» литературы (7 упоминаний), одной из главных рецептов «современности» для Ники-

³³ Никитенко. Т. 1. 1955. С. 228.

³⁴ Там же. С. 351.

тенко становятся «современные вопросы». К самым насущным он относил: эмансипацию (как отмену барства, ослабление цензуры), студенческие волнения в Санкт-Петербурге и пожары начала 1860-х гг., проблемы и перспективы строительства железных дорог, «повальное пьянство». С одной стороны, как умеренный либерал Никитенко признавал необходимость перемен, описываемых затем в историографии XX в. как модернизационные преобразования, с другой же, видел их «издержки» и достаточно эмоционально оценивал негативные их последствия (радикализацию общественного мнения, выразившуюся в студенческих волнениях, прокламациях, обвинениями студентов в пожарах 1862 года, распространении нигилизма, атеизма, алкоголизации населения и др.). Можно назвать типичной для него реплику: «Вы говорите, что надо дотла разрушить все старое, чтобы построить лучшее новое. Но кто же будет строить? Люди? И вы думаете, что они не внесут в новое здание своих страстей, предрассудков, заблуждений. Зло переменит только кожу и останется тою же змеєю»³⁵. В 1863 г., размышляя о *современной цивилизации*, Никитенко, называет индивидуализацию как одну из характеристик современного общества, подчеркиваемую практически всеми его исследователями: «Самостоятельность, свобода личности, без сомнения, великое приобретение современной цивилизации; но они же порождают этот дух разъединения, дух обособления, по которому каждый не только считает себя заимодателем самого себя, но и всех других людей»³⁶.

В последние годы жизни (1866–1877), Никитенко все больше погружается в мир «современных событий» (9 упоминаний) и чаще оценивает основные характеристики «современной науки, образования» (8) и ключевые особенности «современной цивилизации» (4). Среди последних, помимо уже упомянутой индивидуализации сознания и эмансипации личности, он называет приоритет знания над верой, материализм, «внутреннюю распущенность, хаос понятий и нравов», «умственный разврат»³⁷. Идею прогресса как одну из системообразующих для *современной эпохи* он называет иллюзорной и утопичной, чреватой войнами и внутренним кризисом «передовых наций»³⁸. Сошлемся на одну из многих его записей по этому поводу: «Утратив религиозные верования, считая все прекрасное и великое за иллюзию, современное человечество, чтобы не провалиться совсем в пропасть, прицепилось к идее прогресса, как будто эта идея менее иллюзия, чем другие. Иные народы развратились, когда сделали образованными, мы же ухитрились погрузиться в омут разврата, находясь почти в варварском состоянии»³⁹.

---

³⁵ Никитенко. Т. 2. 1955. С. 244.

³⁶ Там же. С. 284.

³⁷ Там же. С. 25, 92, 115, 155.

³⁸ Никитенко. Т. 3. 1956. С. 185.

³⁹ Там же. С. 107.

Таким образом, ощущение современности-несовременности necessarily связано с биологическим возрастом, важным фактором является способность социальной и культурной адаптации к переменам, возможность реализации себя, которая и рождает ощущение востребованности или «выключенности» из *современности*.

Обращение к письмам, воспоминаниям русских журналистов второй половины XIX – начала XX в. подтверждает, что возможность писать и публиковаться в разных изданиях, вовлеченность в активную общественную деятельность, независимо от политической ориентации, создавало отчетливое ощущение востребованности и современности. Более того, журналистская деятельность, особенно связанная с газетами, заставляла находиться в «гуще событий», постоянно следить за происходящим в стране и мире, успевать осмыслить и рассказать о настоящем своим читателям.

Начало XX века в России – эпоха активного вовлечения в политическую деятельность, также создающую ощущение современности, непосредственного не только наблюдения, но и участия в настоящем, его изменения. В дневнике и воспоминаниях А.В. Тырковой практически не упоминается слово «современность», но неоднократно фиксируется быстрый ход времени. Причем его стремительность не вызывает у нее дискомфорта, а осознается как черта эпохи, присущий ей ритм жизни. В январе 1905 года, говоря о предшествующих политических событиях в Петербурге, она торопится записать их в дневник, чтобы не забыть, «пока новые и новые события не *налетели*»⁴⁰. И здесь же приводит слова П.Н. Милюкова, о том, что «жизнь ушла вперед. Надо догонять, чтобы не отстать»⁴¹. В 1915 г. в дневниковых записях о войне и деятельности Государственной Думы Тыркова отмечает: «прошло только 10 дней, а события так *мелькают*, что не успеешь опомниться»⁴². И спустя много лет, в эмиграции, в письме к Маклакову она пишет о «быстро *промелькнувшей* эпохе русского парламентаризма»⁴³, и в воспоминаниях появляется то же ощущение времени: «...перемены шли с такой *головокружительной быстротой*, что хронологию этой эпохи надо отмечать не по годам, а по месяцам»⁴⁴. Показательно ощущение быстро идущего, бегущего времени, мелькающих событий (возможно, образ «мелькающих» событий был обусловлен техническими переменами, и мог возникнуть под впечатлением от путешествий на поезде, в окне которого «мелькали» версты). Ускорение времени звучит и в строках М. Волошина: «Время порывисто дует в лицо. / Годы несутся огромными птицами»⁴⁵.

---

⁴⁰ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой... С. 67.

⁴¹ Там же. С. 68.

⁴² Там же. С. 154.

⁴³ Там же. С. 402.

⁴⁴ Тыркова. 1998. С. 245.

⁴⁵ Волошин. 1989. С. 37.

Ощущение (и конструирование) новой темпоральности дополняется описанием темпа жизни общества. Не только время ускоряет ход, но и люди торопятся жить, успеть, догнать, не опоздать. Тыркова вспоминает о собственной торопливости («торопилась, чтобы чего-нибудь не пропустить»), но замечает, что и все кругом торопились. «Торопливость стала характерной чертой интеллигентской жизни. До 1905 года мы брели. Потом сорвались и побежали. <...> В наступающем 1906 году некогда было опомниться, надо было наверстывать потерянное время...»⁴⁶.

Размышляя позже о революционной катастрофе 1917 года, Тыркова с сожалением пишет об этой торопливости, не давшей возможности критически осмыслить происходившие события, настолько они были ими захвачены, что остановиться казалось невозможным. И у А.В. Тырковой, и у В.Л. Маклакова появляется образ потока времени, который несет вперед, и которым невозможно управлять. Тыркова писала о жизни в России: «...нас несло весеннее половодье»⁴⁷, о том же размышлял Маклаков в своем письме к ней: ««все наши глупости и происходили от того, что мы, вместо борьбы с toorent, в нем неслись, воображая, что им управляем»⁴⁸. Ярко отражают это ощущение времени и строки М. Волошина: «Быть заключенным в темнице мгновенья, / Мчаться в потоке струящихся дней»⁴⁹.

Но почему быстрота перемен не только не вызывала ностальгии и меланхолии, а наоборот, воспринималась как отличительный признак и достижение *современной* эпохи? С одной стороны, это было связано с ожиданиями политических реформ, требованиями либерализации общественного строя, причем даже проводимые властью реформы воспринимались обществом как запаздывавшие, не отвечающие растущим политическим и социальным потребностям. Самодержавие воспринималось как символ старой эпохи, которая должна неизбежно уступить место новой, а последовавшие в начале XX в. реформы интеллигенция рассматривала как несоответствующие требованиям времени, указывая, что проводить их надо было раньше. Следовательно, даже этот стремительный ход событий казался недостаточно быстрым?

В то же время, происходившие перемены, теми, кто оказался в эмиграции после 1917 г., воспринимались как не разрушившие основания жизни российского общества, не имевшие характера катастрофы, т.е. не вызывавшие чувства утраты, потери, служащего основанием для возникновения ностальгии. Как вспоминала Тыркова, «среди всех политических домогательств, волнений, буйств, уступок, мечтаний, разочарованной повседневная, обыденная жизнь шла *своим ходом*, у одних более, у

---

⁴⁶ Тыркова. 1998. С. 375.

⁴⁷ Там же. С. 376.

⁴⁸ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. 2012. С. 893.

⁴⁹ Волошин. 1989. С. 38.

других менее складная и удачная»⁵⁰. Более того, когда Тыркова начинает вспоминать о повседневной жизни, описание времени действительно меняется, оно замедляет свой темп. «Купцы торговали, чиновники служили, рабочие работали. Столица жила как всегда, по-летнему пыльно, немного замедленным темпом, но без следа каких-нибудь волнений»⁵¹.

Возникает ощущение двойного времени, времени политических событий и повседневной жизни, которые создавали равновесие и комфортность *современности как настоящего*, не разрывая ее связи с прошлым. Тем не менее, в 1943 г. Тыркова называет период 1900–1917 гг. «великим (все-таки великим) сдвигом, который пережила Россия»⁵². Как заметил А.В. Амфитеатров, «...мы не замечаем течения времени, пока его поток не набежит на порог какого-нибудь свершения»⁵³.

Последовавшая после революции 1917 года эмиграция для многих означала кризис идентичности и необходимость адаптации к жизни в другой стране, в рамках другой культуры. Естественно, что в эмиграции создавался культ прошлого, символизировавший утраченную Россию, сопровождавшийся ностальгией и меланхолией. Кроме того, как указывает П. Фрицше, еще Великая Французская революция привела к складыванию традиции автобиографического эмигрантского письма, возникновению обширного нарратива, оказавшего огромное влияние на мемуарное творчество XIX века и продолжавшего привлекать внимание в веке двадцатом⁵⁴.

Нарратив изгнания, утраты прежнего мира оказался чрезвычайно устойчивым, получая новые импульсы в связи с революциями и войнами XX века. В то же время в воспоминаниях воспроизводится прошлое как способ преодоления, стирания травмы, которая и стала причиной создания ностальгического нарратива. По мнению И. Калинина, отказываясь признать разрыв с прошлым частью собственного «я», эмигрантское сообщество по возможности восстанавливало и сохраняло прежнюю культурную традицию, модели поведения, повседневные рутины и ценностные установки «пусть и в фиктивном мире литературы, психической реальности воспоминания или в паллиативных социальных формах»⁵⁵.

Авторы ностальгических мемуарных текстов часто используют образ руин как символ утраченного прошлого, более того, они сами воспринимаются как «руины», «остатки» прошлого в настоящем. А.В. Тыркова, делает запись в дневнике о посещении В.А. Маклакова в 1950 г.: «Мы, два обломка русского либерализма, сидели в запущенном эми-

⁵⁰ Тыркова. 1998. С. 371.

⁵¹ Там же. С. 448.

⁵² Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. 2012. С. 301.

⁵³ Амфитеатров. 2004. Т. 2. С. 6.

⁵⁴ Fritzsche. 2001. P. 1593.

⁵⁵ Калинин. 2013.

грантском садишке»⁵⁶. «Обломки» и «запущенный садишек» – символы старого, разрушенного, утраченного, выпадения из современности.

Ощущения последнего представителя ушедшего поколения точно выразил П.А. Вяземский «Я пережил и многое, и многих, / И многому изведал цену я; / Теперь влачусь в одних пределах строгих / Известного размера бытия». Хотя эти строки были написаны Вяземским в 1837 г., когда ему было 45 лет, вероятно под впечатлением смерти Пушкина и Дмитриева, а Тыркова писала сыну в 1945 г. в возрасте 74 лет, получив известие о смерти Д.И. Шаховского: «Тяжело оставаться одной из последних в уходящем в вечность поколении. Но как-то надо к этому приспособливаться. Только бы не стать обузой, не висеть на других. Это конечно, самая тяжелая часть старости, но и конечно оторванность от жизни, ненужность»⁵⁷. Но переписка Тырковой в последующие годы отражает продолжение ее активной литературной и общественной деятельности, несмотря на возраст. Ее сын, Аркадий Борман, также вспоминал, как после переезда в США в возрасте 80-ти лет, Тыркова продолжала писать, сотрудничая в «Новом Русском Слове», «Русской Мысли», «Возрождении», принимала активное участие в деятельности Российского Политического комитета, «а мы, домашние, наблюдая, как она занята весь день и как она сидит в привычной позе за своим письменным столом, иногда забывали про ее возраст»⁵⁸.

Эмиграция в 1920-е гг. необязательно означала расставание с современностью, погружение в прошлое, тем более, что у части эмигрантов уже имелся подобный опыт, еще до 1917 г. В записках Тырковой мы можем увидеть так называемую рефлексивную ностальгию, которая, по определению С. Бойм, «говорит о невозможности возвращения домой и осознает свою собственную эфемерность и историчность. Она связана с аффективным и этическим осмыслением прошлого, а не с маскировкой новодела под старину. В ее основе – двойное зрение, подобное фотографическому наложению прошлого и настоящего, повседневного и идеального»⁵⁹. Так, Тыркова в письмах к сыну сообщала о своей работе над биографией Пушкина: «У меня спокойная неделя без гостей, только толпа царскосельских лицеистов кругом»⁶⁰. Но погруженность в пушкинскую эпоху не мешала ей интересоваться происходящими в мире политическими событиями, писать статьи в «Возрождение», «Сегодня», издавать «Русскую жизнь». Как характеризует, например, ее публикации в газете «Сегодня» Н. Прайс: «Это были статьи об английских детях, студентах, женщинах, священниках, рабочих.

⁵⁶ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. 2012. С. 280.

⁵⁷ Bakhmeteff Archive, Columbia University, Tyrkova-Williams Papers, Box 10.

⁵⁸ Борман. 1964. С. 312.

⁵⁹ Бойм. 2013.

⁶⁰ Борман. 1964. С. 227, 231.

Она также пишет о членах королевской семьи, цветах, образовании, скачках, об отоплении и британских домах, что, собственно, актуально и сейчас. Её публикации являются живыми зарисовками с натуры. Это замечательные очерки о жизни и людях Британии, которые современному читателю было бы не менее интересно прочитать сегодня»⁶¹.

Мысленное перемещение в прошлое конечно еще в большей степени характерно для историков, так как прошлое для них является объектом исследования. Но историки могли погружаться в прошлое не только с научными целями, но и стремясь найти там убежище от бурных событий современности, пугающих своей непредсказуемостью, вызывающих уныние и тревогу за будущее страны и свое индивидуальное будущее. Ярким примером является дневник М. М. Богословского в годы Первой мировой войны и революции 1917 г. Работая над биографией Петра Первого, Богословский фиксировал в дневнике 24 июля 1915 г.: «Утром я жил в 1693 г...»⁶². И через два года еще более определенная запись: «Для меня большая отрада, что я, работая, живу в 1697 г. в Голландии и таким образом хоть на несколько часов в день могу покидать русскую действительность XX века с ее “товарищами”, “эсерами”, “линиями поведения” и всем этим прочим словесным навозом и ее небывалым позором»⁶³. Прошлое и *современное* для Богословского существовало одновременно, первое как реальность, существующая в исторических источниках и воссоздаваемая историком, второе – как реальность, постоянно вторгающаяся в его жизнь, заставляющая реагировать на происходящие события. Страницы его дневника заполнены записями о положении на фронте, событиях в Петрограде, политическими оценками и прогнозами. При этом прошлое не противопоставляется современности как комфортное дисконфортному или идиллическое стабильное – разрушительному враждебному, хотя для Богословского первая четверть XVIII века – воплощение славного, отрадного прошлого великой державы, тогда как современность оценивается преимущественно в терминах поражения, позора, разрушения. «Это была не та дряблая, гнилая, пораженная неврастений и разваливающаяся Россия, которую видим теперь»⁶⁴ – делает он запись 25 октября 1917 года.

Критически осмысливая, изучая прошлое, Богословский находил в нем индивидуальное убежище от бурь современности: «Только и отрады, что уйти в прошлое и жить в Лондоне весной 1698 г.»⁶⁵. Кроме того, он видел в сочинении об эпохе Петра Первого возможность сохранения образа прошлого, исторического наследия и опыта, значимого даже не

---

⁶¹ Прайс. 2007.

⁶² Богословский. 2011. С. 60.

⁶³ Там же. С. 396.

⁶⁴ Там же. С. 447.

⁶⁵ Там же. С.452.

для настоящего, а для будущего. Он признавался, что работа над биографией Петра приобретала для него новый смысл. «Может быть, она поспособствует нашему возрождению, внося в него крупицу здорового национального чувства!», – писал он в 1917 г.⁶⁶ В этом отношении к прошлому и целям своей работы Богословский совпадает с Тырковой, которая, работая над биографией Пушкина, в разговоре с Е.В. Саблиным 18 января 1936 г. приходит к выводу: «Пушкин спасет Россию»⁶⁷, а в письме к Е.Д. Кусковой – «Россия спасется Пушкиным»⁶⁸.

Другой аспект восприятия современности – быть современным какому-либо событию, явлению, или личности. Осознавать себя современником событий или людей – один из способов самоидентификации, а также идентификации эпохи. Для Тырковой одним из ключевых событий ее эпохи, жизни ее поколения (поколенческая идентичность была значимой для Тырковой)⁶⁹, стала первая русская революция, заложившая основы российского парламентаризма. Поэтому в ее воспоминаниях, как и в воспоминаниях Маклакова, истории начала XX в., Государственной думе, уделено особое место. Воспоминания Маклакова публиковались с подзаголовком «Воспоминания современника», а сам он называл их даже не «воспоминания», а «переживания»⁷⁰. При этом Россия до революции 1917 г. описывалась ими как часть прошлого, утраченного мира, но в то же время, говоря о российском парламентаризме и либеральном движении, они относили этот период к «современности». Маклаков писал Тырковой о работе над своими воспоминаниями: «Конечно, когда подходишь уже к событиям *современности*, наблюдаешь их вблизи, как я пишу свои воспоминания, полной исторической оценки не может и быть»⁷¹. Спустя время, он опять настойчиво повторяет: «современник» никогда не бывает «историком»⁷².

Еще один аспект исследования «современности» – представления о «современном» человеке, какие качества в начале XX в. определяли как свойственные человеку, не «отставшему от времени», современному, независимо от его биологического возраста. В этом случае ярким и на первый взгляд, парадоксальным, примером является «старик Суворин». Для окружающих, по воспоминаниям, он всегда был «стариком Сувориным», но при этом, воплощением молодости и современности. Как характеризовал его Амфитеатров, «он никогда не принадлежал

⁶⁶ Богословский. 2011. С. 447.

⁶⁷ Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture, Columbia University Library, Tyrkova-Williams Papers Collection, Box 10.

⁶⁸ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. 2012. С.392.

⁶⁹ Подробно о поколенческой идентичности см.: Сабурова. 2011. С. 118–140; Родигина, Сабурова. 2012. С. 121–143.

⁷⁰ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. 2012. С. 914.

⁷¹ Там же. С. 889.

⁷² Там же. С. 914.

прошлому, а всегда был – выразителем и вполне – человеком настоящего. В прошлое, притом всегда очень отдаленное, он совершал только эстетические экскурсии, как любитель истории, психолог, драматург. Жизнь же его была вся – в современности. <...> Был, если позволено мне будет выразиться так тавтологически, *современнейшим* из *современников* своей *современности*»⁷³. Что позволило Амфитеатрову так характеризовать Суворина? Основное качество, которое он отмечал, – жадное внимание и горячий интерес к настоящему, что отражалось во всей деятельности Суворина, его способность как журналиста откликаться на все изменения жизни. Амфитеатров описывал самого Суворина как воплощение *современности*, личность, в которой отразились все противоречивые черты эпохи («кипучий, газетный, злободневный человек») ⁷⁴. Но записи в дневнике Суворина показывают его и с другой стороны, как человека, неуютно чувствующего себя в современном мире (хотя Амфитеатров упоминает о периодах мизантропической хандры у Суворина, когда он писал угрюмые фельетоны, подписывая их «Тимон Афинский»). В 1907 г. Суворин писал в дневнике: «Мои старые идеи, 'мои старые слова не отвечают больше тому, что около меня действует и говорит. Что мне делать в этом мире? Общество живет автомобилем, механикой, и душа его стала механической»⁷⁵. Эта запись отражает не только ощущение Суворина, но и подтверждает характеристику Амфитеатрова, насколько Суворин точно откликался на изменения в обществе, был «*со-временным*», даже ощущая свою «*несовременность*».

Таким образом, дискурсивный анализ эго-документов, в основном автобиографического характера, позволяет сделать выводы о содержании понятия «современность» как реакции на происходящие изменения в обществе и культуре, отражении в нем сознания и поведения человека эпохи «модерна», взаимосвязи понятия и темпоральности. Многозначное и открытое для различных интерпретаций слово «современность» во второй половине XIX – начале XX в. могло быть аксиологически нейтральным, ограничиваясь указанием на настоящее время, текущий момент, но отражать тем не менее ярко выраженную историческую темпоральность Нового времени, с ее отчетливым выделением хронологических структур, разграничением прошлого, настоящего и будущего.

Понятие «современность» могло наполняться во второй половине XIX в. негативным смыслом, отражая реакцию на разрушение традиционных ценностей, индивидуализацию и разрыв с традиционными коллективными структурами, радикализацию общественных настроений и нарастание революционного движения в России. Осознание утраты прошлого вызвало чувство ностальгии, ощущение своей «несовремен-

⁷³ Амфитеатров. 2004. С. 6.

⁷⁴ Там же. С. 15.

⁷⁵ Дневник А. С. Суворина. 1923. С. 366.

ности». Несмотря на преобразования во многих сферах жизни общества, ценности и представления менялись не так быстро, и дискурс о «современности» отражает существование разрыва между «первой» и «второй» реальностью, показывая всю сложность адаптации к модернизационным процессам.

Понятия «современный» и «современность» могли быть связаны во второй половине XIX в. с идеей прогресса и служить для трансляции «передовых» идей, быть способом формирования и выражения общественного мнения, обоснованием необходимости перемен в стране, выступать символом либеральных преобразований. Поколенческая или политическая идентификация с эпохой «Великих реформ» могла служить и основой для наполнения понятия «современность» негативным смыслом, в том случае, когда «святые шестидесятые» противопоставлялись «бесцветным восьмидесятым», в которых не находили динамики политических и общественных преобразований, с которыми уже устойчиво соединился образ эпохи 1860-х гг. Но используя слово «современный» для критики 1880-х гг., наполняя его отрицательными характеристиками, тем не менее само понятие «современность» оставалось прежним, символизируя прогресс и движение. Часто встречающееся определение 1880-х гг. как «безвременья» может означать, что эта эпоха не вписывалась в сформировавшиеся представления о современности как стадии развития общества, которое находится в постоянном изменении, в котором преобразования и новизна выступают одной из главных характеристик. Современные авторам эго-текстов 1880-е гг. не отвечают их представлениям о современности, что отражает сохранение позитивной семантики самого понятия, несмотря на отрицательные коннотации. Возможно, именно поэтому эпоха бурных перемен начала XX века не вызывает дискомфорта, воспринимаясь как естественное состояние, соответствуя представлениям о «современности».

Быстрый темп жизни, обусловленный результатами индустриализации, стремление либеральной общественности к политическим переменам, убеждение в «отсталости», «отставании» России от Европы, погруженность в настоящее и мечты о будущем, все это не оставляло места для ностальгии по прошлому.

Время и пространство современности начала XX века (хронотоп «модерна») чаще выступают предметом рефлексии в эго-текстах, чем понятие современности как таковое. Можно предположить, что «наговорившись о всяких современностях» во второй половине «долгого XIX века», образованные русские в своих эго-документах перенесли акцент с осмысления содержания понятия, признав его легитимность и включенность в языковую картину мира интеллигенции, на описание своих ощущений, восприятия современности как социального времени. В начале XX в. понятие «современная цивилизация» и «современный мир» стали уже устойчивым компонентом дискурса русского образован-

ного общества. Причем «современность» в начале XX века выражалась не только в представлениях, но и в поведенческих практиках, адаптации к изменениям, воплощаясь в так называемом «современном политическом человеке», «современной женщине» и т.д.

«Современность» выступает также еще одним основанием для самоидентификации в условиях утраченных или разрушающихся идентичностей. Идентификация себя как современников определенных людей и событий может рассматриваться как одно из проявлений устойчивости поколенческой идентичности или попытка найти новые способы идентификации в быстро меняющемся *современном* мире.

БИБЛИОГРАФИЯ

- А.Н.Т.* Воспоминания идеалиста, принимавшего участие в работах по реформам крестьянским // Русская старина. 1910. № 11. С. 410–424.
- Амфиатов А. В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. В 2-х т. М.: НЛЮ, 2004. Т. 2. 608 с.
- Бёдекер Х.Э.* Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 34–95.
- Боборыкин П.Д.* За полвека: воспоминания. М.: Захаров, 2003. 686 с.
- Богословский М.М.* Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея. М.: Время, 2011. 799 с.
- Богучарский В.Я.* Столкновение двух течений общественной мысли // Его же. Из прошлого русского общества. СПб.: Книгоизд-во М. В. Пирожкова, 1904. 406 с.
- Бойм С.* Будущее ностальгии // Неприкосновенный запас. 2013. № 3 (89). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3725>.
- Борман А. А.В.* Търкова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувэн; Вашингтон, 1964. 333 с.
- Волошин М.* Стихотворения. М.: Книга, 1989.
- Градовский Г.К.* Итоги (1862–1907). Киев: тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1908.
- Гумбрехт Х.У.* Современный, Современность (Modern, Modernität, Moderne) // Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи в 2-х т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 241–296.
- Дневник А.С. Суворина.* М.; Петроград: изд-во Л.Д. Френкель, 1923. 405 с.
- Достоевская А.Г.* Дневник 1967 года. М.: Наука, 1993. 454 с.
- Засодимский П.В.* Из воспоминаний. М.: типография И. Д. Сытина, 1908. 464 с.
- Калинин И.* Историчность травматического опыта: рутинa, революция, репрезентация // Новое литературное обозрение. 2013. № 124.
- Кобрин К.* Вечная современность: заметки на полях «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» // Неприкосновенный запас. 2014. № 1 (93).
- Корчинский А.* Форманты мысли: литература и философский дискурс // Гефтер. URL: http://gefter.ru/archive/13982?_utl_t=tw.
- Митчелл Т.* Сцена «современности» // Неприкосновенный запас. 2014. № 6 (98).
- Ле Гофф Ж.* История и память. М.: РОССПЭН, 2013. 303 с.
- Лейкин Н.А.* Н.А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. 406 с.
- Наследие Ариадны Владимировны Търковой: Дневники. Письма.* М.: РОССПЭН, 2012. 1112 с.
- Никитенко А.В.* Дневник в 3-х томах. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1955–1956. Т. 1. 542 с.; Т. 2. 652 с.; Т. 3. 582 с.
- Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М.: Правда, 1988. 448 с.

- Панаева А.И. Воспоминания. М.: Правда, 1986. 512 с.
- Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1958. 848 с.
- Прайс Н.Ю. Родина и чужбина: публицистика С.Д. Мирского и А.В. Тырковой-Вильямс в Англии в 20–40-х гг. XX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2007. № 2. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/rodina-i-chuzhbina-publitsistika-s-d-mirskogo-i-a-v-tyrkovoy-vilyams-v-anglii-v-20-40-h-godah-hh-veka#_=#ixzz3TfiRQ98V.
- Рейтблат А.И. Нравственные мотивации биографа // Рейтблат А.И. Писать поперек: статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: НЛЮ, 2014. С. 189–194.
- Родигина Н.Н., Сабурова Т.А. «О себе я стараюсь говорить поменьше, но все-таки говорю»: самоидентификация и память в русском женском автобиографическом письме конца XIX – первой половины XX в. // *Avtobiografija. Rivista di studi sulla scrittura e sulla rappresentazione del sé nella cultura russa*. 2012. № 1. С. 121–143.
- Родигина Н. Н., Худяков В. Н. Представления о счастье в мемуарах русских интеллектуалов о времени конца 1850-х – начала 1860-х годов // Исторические источники в исследовательской и образовательной практике. Новосибирск: изд-во НГПУ, 2011. С. 9–25.
- Сабурова Т. А. Идентичность и концепт «поколение» в русских женских мемуарах о второй половине XIX – начале XX в. // Конструкты национальной идентичности в русской культуре: вторая половина XIX столетия – Серебряный век. М., 2011. С. 118–140.
- Троцкий Ю.Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург: «Аспур», 2014. С. 14–31.
- Тыркова А.В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М.: СЛОВО/SLOVO, 1998. 559 с.
- Тютчева А.Ф. Воспоминания. При дворе двух императоров. М.: Захаров, 2008. 592 с.
- Чичерин Б.Н. Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. М.: изд-во Пушкинского фонда, 1995. С. 377–378.
- Fritzsche P. Specters of History: On Nostalgia, Exile, and Modernity // *The American Historical Review*. Vol. 106. № 5 (Dec., 2001). P. 1587-1618.
- Koselleck R. A response to comments on the «Geschichtliche Grundbegriffe» // *The Meaning of Historical Terms and Concepts. New Studies on Begriffsgeschichte* / Ed. by Lehmann H., Richter M. Washington D.C. 1996. P. 59–70.

REFERENCES

- A.N.T. Vospominaniya idealista, primumavshego uchastie v rabotakh po reformam krest'yanskim // *Russkaya starina*. 1910. № 11. S. 410–424.
- Amfiteatrov A. V. Zhizn' cheloveka, neudobnogo dlya sebya i dlya mnogikh. V 2-kh t. М.: NLO, 2004. T. 2. 608 s.
- Bedeker Kh.E. Razmyshleniya o metode istorii ponyatii // *Istoriya ponyatii, istoriya diskursa, istoriya mentaliteta*. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. S. 34–95.
- Boborykin P.D. Za polveka: vospominaniya. М.: Zakharov, 2003. 686 s.
- Bogoslovskii M.M. Dnevnik (1913–1919): Iz sobraniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. М.: Vremya, 2011. 799 s.
- Bogucharskii V.Ya. Stolknovenie dvukh techenii obshchestvennoi mysli // *Ego zhe. Iz proshlogo russkogo obshchestva*. SPb.: Knigoizd-vo M. V. Pirozhkova, 1904. 406 s.
- Boim S. Budushchee nostalgii // *Neprikosnovennyi zapas*. 2013. № 3 (89). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3725>.
- Borman A. A.V. Tyrkova-Vil'yams po ee pis'mam i vospominaniyam syna. Luven; Vashington, 1964. 333 s.

- Voloshin M. Stikhotvoreniya. M.: Kniga, 1989.
- Gradvoskii G.K. Itogi (1862–1907). Kiev: tip. t-va I.N. Kushnerev i K^o, 1908.
- Gumbrecht Kh.U. *Sovremennyyi, Sovremennost' (Modern, Modernitat, Moderne) // Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatii. Izbrannye stat'i v 2-kh t. T. 1. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. S. 241–296.*
- Dnevnik A.S. Suvorina. M.; Petrograd: izd-vo L.D. Frenkel', 1923. 405 s.
- Dostoevskaya A.G. Dnevnik 1967 goda. M.: Nauka, 1993. 454 s.
- Zasodimskii P.V. Iz vospominanii. M.: tipografiya I. D. Sytina, 1908. 464 s.
- Kalinin I. Istorichnost' travmaticheskogo opyta: rutina, revolyutsiya, reprezentatsiya // *Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. № 124.*
- Kobrin K. Vechnaya sovremennost': zametki na polyakh «Vosemnadsatogo bryumera Lui Bonaparta» // *Neprikosnovennyyi zapas. 2014. № 1 (93).*
- Korchinskii A. Formanty mysli: literatura i filosofskii diskurs // *Gefter. URL: http://gefter.ru/archive/13982?_utl_t=tw.*
- Mitchell T. Stsena «sovremennosti» // *Neprikosnovennyyi zapas. 2014. № 6 (98).*
- Le Goff Zh. *Istoriya i pamyat'*. M.: ROSSPEN, 2013. 303 s.
- Leikin N.A. N.A. Leikin v ego vospominaniyakh i perepiske. SPb.: T-vo R. Golike i A. Vil'borg, 1907. 406 s.
- Nasledie Ariadny Vladimirovny Tyrkvoi: Dnevnik. Pis'ma. M.: ROSSPEN, 2012. 1112 s.
- Nikitenko A.V. Dnevnik v 3-kh tomakh. M.: Gos. izd-vo khudozhestvennoi literatury, 1955–1956. T. 1. 542 s.; T. 2. 652 s.; T. 3. 582 s.
- Panaev I.I. *Literaturnye vospominaniya. M.: Pravda, 1988. 448 s.*
- Panaeva A.I. *Vospominaniya. M.: Pravda, 1986. 512 c.*
- Pantelev L.F. *Vospominaniya. M.: Gos. izd-vo khudozh. literatury, 1958. 848 s.*
- Prais N.Yu. Rodina i chuzhbina: publitsistika S.D. Mirskogo i A.V. Tyrkvoi-Vil'yams v Anglii v 20–40-kh gg. KhKh v. // *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvenno-go universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 2007. № 2. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/rodina-i-chuzhbina-publitsistika-s-d-mirskogo-i-a-v-tyrkvoy-vilyams-v-anglii-v-20-40-h-godah-hh-veka#_=#ixzz3TfiRQ98V.*
- Reitblat A.I. *Nravstvennyye motivatsii biografa // Reitblat A.I. Pisat' poperek: stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury. M.: NLO, 2014. S. 189–194.*
- Rodigina N.N., Saburova T.A. «O sebe ya starayus' govorit' pomen'she, no vse-taki govoryu»: samoidentifikatsiya i pamyat' v russkom zhenskom avtobiograficheskom pis'me kontsa XIX – pervoi poloviny KhKh v. // *AvtobiografiYa. Rivista di studi sulla scrittura e sulla rappresentazione del sé nella cultura russa. 2012. № 1. S. 121–143.*
- Rodigina N. N., Khudyakov V. N. Predstavleniya o schast'e v memuarakh russkikh intelektualov o vremeni kontsa 1850-kh – nachala 1860-kh gg. // *Istoricheskie istochniki v issledovatel'skoi i obrazovatel'noi praktike. Novosibirsk: izd-vo NGPU, 2011. S. 9–25.*
- Saburova T. A. Identichnost' i kontsept «pokolenie» v russkikh zhenskikh memuarakh o vtoroi polovine XIX – nachale XX v. // *Konstruktsiya natsional'noi identichnosti v russkoi kulture: vtoraya polovina XIX stoletiya – Serebryani vek. M., 2011. S. 118–140.*
- Troitskii Yu.L. *Analitika ego-dokumentov: instrumental'nyi resurs istorika // Istoriya v ego-dokumentakh: Issledovaniya i istochniki. Ekaterinburg: «AsPU», 2014. S. 14–31.*
- Tyrkova A.V. *Vospominaniya. To, chego bol'she ne budet. M.: SLOVO, 1998. 559 s.*
- Tyutcheva A.F. *Vospominaniya. Pri dvore dvukh imperatorov. M.: Zakharov, 2008. 592 s.*
- Chicherin B.N. *Vospominaniya // Aleksandr Vtoroi: Vospominaniya. Dnevnik. M.: izd-vo Pushkinskogo fonda, 1995. S. 377–378.*
- Fritzsche P. *Specters of History: On Nostalgia, Exile, and Modernity // The American Historical Review. Vol. 106. №. 5 (Dec., 2001). P. 1587-1618.*
- Koselleck R. *A response to comments on the «Geschichtliche Grundbegriffe» // The Meaning of Historical Terms and Concepts. New Studies on Begriffsgeschichte / Ed. by Lehmann N., Richter M. Washington D.C. 1996. R. 59–70.*

Родигина Наталия Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН; natrodigina@list.ru

Сабурова Татьяна Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета, главный научный сотрудник Центра университетских исследований ИГИТИ НИУ ВШЭ; sabourova@mail.ru

«We have talked about various modernities to our hearts' contents...»

The discourse of “modernity” in the Russian ego-documents of the second half of the 19th – early 20th centuries

This article focuses on the idea of modernity in the ego-texts of the Russian intelligentsia, including diaries, letters, and memoirs of the second half of the nineteenth – early twentieth century. Drawing upon discourse analysis of these texts, we aim to reveal the different meanings and historical contexts of the notion of modernity, to examine the idea of modernity and highlight the link between the notion and temporality.

Keywords: discourse, notion, modernity, identity, ego-texts, temporality.

Natalia Rodigina, Dr. Sc. (History), Professor, Department of Russian History, Novosibirsk State Pedagogical University, Senior research fellow, Tobolsk Branch, Urals Division, Russian Academy of Sciences; natrodigina@list.ru

Tatiana Sabourova, Dr. Sc. (History), Professor, Department of Russian History, Omsk State Pedagogical University, Chief researcher, Centre for University Studies, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, National Research University Higher School of Economics; sabourova@mail.ru